

**ПРОБЛЕМА СПОСОБНОСТЕЙ
В РАБОТАХ РОССИЙСКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.
ФЕОФАН ПРОКОПОВИЧ (СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ)**

Д. В. Иванов,
НГПУ, Новосибирск,
ivanovdirkutsk@yandex.ru

В статье показано, что отечественная психологическая мысль первой половины XVIII в. фокусировала внимание на потенциальных возможностях человека петровского времени, который обнаруживал готовность трудиться на благо отечества. Предлагается учитывать в качестве исторических источников, представляющих рефлексивное знание в истории отечественной психологической мысли воинские и исторические песни, сказки, позволяющие увидеть востребованные обществом способности человека. Отмечается, что актуальными становятся общие способности, среди которых готовность к борьбе, событийному обучению, ручная умелость, владение искусством и профессиональным мастерством. Показано, что одним из истинных подвижников просвещения того времени явился Феофан Прокопович, организовавший свой кружок, вошедший в историю как «Ученая дружина Петра». Подчеркивается, что прогрессивно ориентированный мыслитель, имевший опыт прочтения систематического курса лекций по психологии, выдвинул ряд идей и теорий, системно взаимосвязанных между собой, признавая достижения естествознания и выделяя в качестве основной обязанности человека занятия благородными искусствами — философией и поэзией. Прокопович различает способности, одаренность и образование человека, но рассматривает их как единство нравственного и деятельного начала. Видит необходимость в морально-нравственном воспитании способного человека, стремящегося стать благополучным. В статье показано, что в первой половине XVIII столетия в отечественной психологической мысли обозначились определенные пути рассмотрения и решения проблемы человеческих способностей.

Ключевые слова: системные идеи; просветительство; «дарования природные»; человеческие способности; ручная умелость; борцовскость; юнак; воинские и исторические песни; сказки, архетипическая ситуация; человек петровского времени; человек борющийся.

Для цитаты: Иванов Д. В. Проблема способностей в работах российских просветителей первой половины XVIII в. Феофан Прокопович (системный анализ) // Системная психология и социология. 2023. № 1 (45). С. 100–110. DOI: 10.25688/2223-6872. 2023.45.1.09

Иванов Денис Васильевич, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры общей психологии и истории психологии Новосибирского государственного педагогического университета, Новосибирск (Россия).

E-mail: *ivanovdirkutsk@yandex.ru*

ORCID: 0000-0002-2478-1468

**THE PROBLEM OF ABILITIES
IN THE WORKS OF RUSSIAN ENLIGHTENERS
OF THE FIRST HALF OF THE XVIII CENTURY. FEOFAN PROKOPOVICH
(SYSTEM ANALYSIS)**

D. V. Ivanov,
NSPU, Novosibirsk,
ivanovdirkutsk@yandex.ru

The article shows that the domestic psychological thought of the first half of the XVIII century focused attention on the potential capabilities of a person of Peter the Great's time, who showed a willingness to work for the "good of the Fatherland". "Military" and historical songs and fairy tales are proposed to take into account as historical sources representing reflexive knowledge in the history of Russian psychological thought, which make it possible to see the need to identify the abilities required by society in a person. It is noted that general abilities, including readiness to fight, event-based learning, manual skills, desire to master art and professional skills are becoming relevant. Feofan Prokopovich, who organized his circle, which made history as the "Scientific Squad of Peter" is shown to be one of the true ascetics of the enlightenment of that time. It is emphasized that a progressively oriented thinker, who had experience of reading a systematic course of lectures on psychology, put forward a number of ideas and theories that are systemically interconnected, recognizing the achievements of natural science and highlighting as the main duty of a person — the pursuit of noble arts — philosophy and poetry. Prokopovich distinguishes between the abilities, giftedness and education of a person, but considers them as a unity of moral and activity principles. He sees the need for moral education of a capable person who aspires to become "prosperous". The article shows that in the first half of the XVIII century, certain ways of considering and solving the problem of human abilities were outlined in Russian psychological thought.

Keywords: systemic ideas; enlightenment; "natural gifts"; "human abilities"; manual skill; wrestling; yunak; "military" and historical songs; fairy tales, archetypal situation; a man of Peter's time; a man fighting.

For citation: Ivanov D. V. The problem of abilities in the works of Russian enlighteners of the first half of the XVIII century Feofan Prokopovich (system analysis) // Systems Psychology and Sociology. 2023. № 1 (45). P. 100–110. DOI: 10.25688/2223-6872.2023.45.1.09

Ivanov Denis Vasilyevich, PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of General Psychology and History of Psychology of the Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk (Russia).

E-mail: *ivanovdirkutsk@yandex.ru*

ORCID: 0000-0002-2478-1468

Введение

Проблема человека и его предельных возможностей всегда интересовала мыслителей различных исторических времен. Особый интерес к человеку возникал на сломе эпох, когда появлялась необходимость в рефлексии и обосновании характеристик человека, готового к широкомасштабным изменениям. Россия на рубеже XVII–XVIII столетий, а также в самом начале философского века (А. С. Пушкин) ощутила необходимость в выяснении тех характеристик

человека, которые могли быть востребованы в ходе возникших широкомасштабных социальных, политических и экономических изменений.

В настоящий момент, несмотря на некоторую представленность в научных изысканиях исторических аспектов проблемы способностей [25: с. 3; 28], история отечественной психологической мысли испытывает потребность в рассмотрении существовавших в начале философского века системных идей, которые касались потенциальных человеческих возможностей. Это позволяет в конечном итоге обосновывать значимый для современности

«синтез разносторонних знаний о человеке», благодаря чему сам человек открывается для науки разными гранями [23: с. 72], что также отражает пройденный отечественной психологией национальный, исторический путь [22: с. 238].

Историческое своеобразие петровского времени

В начале XVIII в. ставилась грандиозная задача — изменить жизненный уклад страны как в политическом, экономическом, так и в социальном плане. Преобразования должны были коснуться экономики, управления, военной организации, общества, его культуры и, что важно в конкретике самого философского века, просвещения. Царь-труженик Петр I решал серьезные геополитические задачи, связанные с кардинальными изменениями границ государства, выходом к морям и созданием из вчерашнего Московского царства Российской империи. Петровским «флотилиям мыслей и действий» необходим был простор для последующей их реализации. Требовалось развитие судостроения, оружейного дела и машиностроения, горно-металлургического производства, легкой промышленности и др. Назрела необходимость в изменении аппарата управления государством, создании всех новых связующих этот аппарат систем; появляется чиновничество. Возникает новая историческая реальность: создаются заводы, растет мануфактурное производство, активизируется торговля, появляются новые дороги и укрепляются города. Происходит слом вчерашнего быта, и меняется общая эстетика мировосприятия. Активно привлекаются сотни тысяч рук, как правило крестьянских, к решению практических каждодневных задач. Усиливается эксплуатация населения, крепостная зависимость, приводящая к социальным волнениям, восстаниям [5: с. 371–373]. Уравниваются в правах бояре, владеющие вотчиной, и дворяне, получившие надель за службу. Поместье и вотчина стали именоваться недвижимой собственностью [5: с. 364]. Растет население страны, особенно в городах, как «прослойка рабочих людей», там, где создавалось мануфактурное

производство [5: с. 369]. Появляется морской порт, окно в Европу, культурно-промышленный центр — Санкт-Петербург, ставший в 1712 г. столицей русского государства. Активно развивается культура, тесно связанная с ростом в экономической жизни, социальными изменениями.

На фоне происходящих повсеместных изменений, открываются Навигационная (1701) и Артиллерийская (1701), Инженерная (1712) школы, Медицинское училище (1707), провинциальные школы, среди которых горные (мастера-металлурги), цифирные (горожане), гарнизонные (солдаты), епархиальные (духовные чины). На базе Навигационной школы в 1712 г. открывается Морская академия [5: с. 387]. Развивается типографское дело, переводятся и печатаются новые оригинальные книги различного назначения, азбуки и буквари, просветительская литература. В 1724 г. открывается Петербургская академия наук, объединившая в себе одновременно и научное сообщество, и высший учебный центр, функции которых дифференцировались [20: с. 21]. Ведется научная работа в области естествознания, юриспруденции, инженерного дела, истории и литературы, сельского хозяйства и экономики.

В глазах царя церковь утрачивает авторитет, он перестает считаться с ней при решении многих вопросов. Церковные иерархи, духовенство и их деятельность подпадают под контроль государства.

Историки психологии отмечают положительную взаимосвязь реформ Петра I и переводной общественно-философской и научной мысли [1: с. 34; 30: с. 190].

Рефлексия о душе человека становится доступной и светским мыслителям. Философская мысль освобождается от теологических оков средневековой ортодоксии. Геоцентрический принцип структурирования психологического знания постепенно, но все более явно уступает место антропоцентрическим представлениям в психологии.

Исследователи прямо говорят, что культурные изменения, произошедшие в первой половине XVIII в., оказались так велики, что «это время можно считать эпохой своеобразного русского Возрождения, в ходе которого

страна была вырвана из душного и темного, к тому же затянувшегося и потому еще более уродливого средневековья» [6: с. 74].

Однако, несмотря на значимые преобразования и Петровские реформы, когда у части свободного населения были востребованы естественно-научные представления о мире и новое миропонимание, оставались и те, кто придерживался старых идеологических и религиозных норм. Требовались усилия тех, кто возлагал особую надежду на активное продвижение идей образования, приводящих к глобальным изменениям в обществе и психологии человека, который с этим обществом связан. Появляется такой феномен, как просветительство — «философско-политическое течение, которое видело единственно возможное средство улучшения жизни общества в распространении образования и пропаганде знаний и в вытекающих из этого постепенных изменениях, реформах всех сторон социально-экономического и государственного уклада» [19: с. 8–9]. В отечественной истории осталась веха, написанная силами «Ученой дружины Петра» [6: с. 75; 8: с. 38].

В целом необходимо признать, что историческое своеобразие петровского времени, широкомасштабные изменения, происходившие в России, способствовали изменению общественной мысли, фокусированию внимания на потенциальных возможностях человека, который обнаруживал готовность трудиться на благо отечества, с которым связывали дальнейшее социально-экономическое развитие государства.

Способности человека петровского времени и их отражение в различных источниках

В новых исторических преобразованиях, происходивших в России Петру I был необходим человек нового типа с рационалистическим мировидением, открытым поведением, стремящийся ко всему новому, легко обучающийся, быстро перемещающийся по социальной лестнице, с авторским самосознанием, создатель и творец. Царю требовался человек, имеющий пригодность к конкретным

видам деятельности. О нем можно было судить по его способностям. Сам царь-труженик был склонен к реформаторству, просветительству, научному отношению к миру, к синтезу наук, ремесла и искусства [27: с. 173].

Историк В. О. Ключевский в свое время описывал таланты и способности царя, подчеркивал его интерес к новым занятиям и делам, приобретенную «необъятную массу технических познаний», знание до четырнадцати ремесел, петровскую гордость своим искусством [12: с. 29–30]. Русский историк отмечал, что весь свой век царь прожил «в постоянной и напряженной физической деятельности, вечно вращаясь в потоке внешних впечатлений», «развил в себе внешнюю восприимчивость, удивительную наблюдательность и практическую сноровку», «чувство царственного долга до самоотверженного служения» [12: с. 42; 43]. Важной способностью русского самодержца была его борцовскость — способность к борьбе, как к армейско-военной, общественно-полезной, так и к личностно-ценностной. Умение бороться являлось важным показателем присутствующих у русского человека общих способностей, отразившихся в истории народа, его литературе [10: с. 9–28]. Царь придавал большое значение воинской подготовке, готовности человека к борьбе и психологическим качествам, развиваемых у него благодаря ей (инициативность, активность, сообразительность, товарищество) [7: с. 19]. Сам, имевший различные дарования и способности, Петр I искал их проявления и у других: он лично проводил военные игры, устраивал смотры, испытания тем, с кем встречался на своем жизненном пути [3: с. 238], привлекая их к движению своих «флотилий мыслей и действий». Сохранились многочисленные исторические и литературные источники, отразившие поиск «природных возможностей», «пригодностей» индивида, его борцовскости на жизненном пути, и заслуженный успех по результатам раскрытия человеком петровского времени своих способностей.

Системный анализ источников, которые имеют значение для отечественной истории психологической мысли, помогает обнаруживать смыслогенетическую ценность армейско-военной, личностно-ценностной,

общественно-полезной борьбы человека борющегося и показывает наличие архетипичности ситуации противоборства в российской ментальности.

Так, среди исторических источников, инсигнирующих борьбу и воспевающих образы героев-борцов, выделяются воинские песни, возникшие в XVIII столетии и дошедшие до наших дней. Хотя исследователи предполагают, что их истоки лежат в древности, когда княжеские дружины, совершавшие многочисленные военные походы, имели своих певцов, слагавших песни — «славы» в честь победителей, восхваляя князя и его храбрых воинов [14: с. 30].

Потребность в отражении успешной борьбы в песнях характерна для народа, испытавшего много трудностей в своей истории. Данный тип источников представляет собой повествовательные, мемуарные песни-воспоминания о походах, боях, взятии крепостей, а также о знаменитых полководцах и героях сражений [2: с. 404]. В воинских песнях прославляются хитроумные и смелые борцы — православный царь Петр Алексеевич и его успешно боровшиеся с неприятелем генералы, — походы «сильна армия», а также позже и А. В. Суворов, М. И. Кутузов, предводители казаков М. И. Платов, И. В. Падуров и др. [11: с. 375, 401, 434, 449].

Воинские песни по сюжету перекликаются с историческими, где более широко в своих элементах, сравнениях представлена армейско-военная, лично-ценностная, общественно-полезная борьба в различных периодах жизни человека и общества.

В плане поиска царем человека нового типа — потенциального борца — развивается повествование в исторической песне, посвященной Петру I [21: с. 304]. Царь, «юный богатырь и телом и духом, каким он предстает перед нами в описаниях современников, на портретах живописцев, расправляет плечи и принимается за “настоящее дело”, тем более что “семена великих дел” начинают уже прорастать, давать всходы» [3: с. 243]. Поэтому неудивительно, что царь проявляет активный интерес к борьбе, ставя ее в основание собственного пути, не различая при этом личное и общественное.

По сюжету исторической песни царь лично проверяет «живость» борьбы в народе, осуществляет поиск народного таланта. Сама общественно-ценностная борьба с участием царя становится праздником, а «царя потешить» находится «молодой драгун лет пятнадцати». Здесь можно заметить, что юность в борьбе архетипична по своему участию, если обращать внимание, к примеру, на юнака-борца XIII в. Даниила Романовича из текстов Галицкой летописи или образ Егория Храброго, способных к борьбе и почитаемых героев, идеалов самой юношеской борьбы. Юнак — номинация молодого человека, борца в истории русского (древнерусского) языка, сохранившаяся ко времени создания летописных хроник. Юнак связывается с движением, желанием, борьбой. В произведении XV в. «Галеново из Гиппократа» специально подчеркивается скорость действий и воинственность юношей [15: с. 82; 16: с. 266]. Нужно признать, что человек выделялся в истории культуры и психологической мысли человеком борющимся. В данной же исторической песне исход борьбы царя с юнаком определяет грань существования последнего. «А я поборю, — предупреждает Петр, — казнить буду тебя» [11: с. 388].

Песня воспевает победу вечной юности в борьбе. Однако молодой драгун только обозначает свою победу, он не дает Петру упасть, и тот предлагает потешившему его молодцу сёла, деревни, золотую казну, но отпускает юнака, желающего вечной юности, на волю [11: с. 389].

Обращает на себя внимание ручная умелость как выражение способности молодого драгуна, которая подчеркивается искусным использованием его правой руки, подхватившей царя. Рука есть средство приближения к себе отдаленных объектов, действия с ними, а также символ власти, мера выраженности ее. Жесты руки могут быть прочитаны как тексты, как целые послания другим. Историк Д. О. Шеппинг в свое время особо подчеркивал значение рук в борьбе. В его представлении в славянском языке рука выражает заключающееся в этом слове древнейшее значение физической силы и власти над «сдержанным в руке предметом», поэтому древнерусское

выражение «быть под рукою» может быть понятно в смысле «быть под властью» [29: с. 253]. Подхваченный «правильной», «верной» рукой царь — это обозначенная мимолетность власти над предопределенностью, сиюминутная победа над судьбой, успешное претворение ручной умелости в жизнь.

Архетипическая ситуация в этом источнике предопределена все же фундаментальной потребностью вечной юности в борьбе, а образ человека борющегося восходит к идеалам древности, закрепившимся в народной памяти. Юнацкая борьба — это молодецкое, успешное по цели достижения, но часто также драматическое по характеру происходящего противоборство. Психологически значимой оказывается и сама юность борца («молодой драгун лет пятнадцати»), проявившего способность к ней, и его настрой на борьбу, готовность бороться, что явилось наличием искомой царем способности у «человека нового типа».

В другом источнике, представляющем интерес для оценки отечественного рефлексивного знания, — сказке, созданной в петровское время, «Гистория о российском матросе Василии Кориотском и о прекрасной королевне Ираклии Флорентийской земли» [4: с. 517–530] показано, что особое внимание обращается на природные способности человека, таланты, проявляемые им в обучении, на его ручную умелость в борьбе и профессиональном деле, а не на его происхождение. Известно, что, осуществляя поиск человека нового типа, Петр I не обращал особого внимания на происхождение человека, его родовитость, поскольку в фокусе интересов самого царя была готовность к борьбе и служению на благо отчизны. Эта позиция находит свое отражение в литературе и искусстве того времени [5: с. 389].

Главный герой — галантный кавалер — выбирает путь моряка, овладевая необходимыми знаниями. Благодаря своему добродетельному характеру («нраву доброму»), способностям к обучению и профессиональному мастерству он заслуживает уважение австрийского цесаря, богатого купца и флорентийского короля. В результате реализации своих способностей Василий Кориотский обретает счастье и прекрасную королеву.

Герой проявляет себя в конкретике сложившихся обстоятельств, в ходе событийного обучения и воспитания, достигая профессионального мастерства. Очевидно, что запрос общества к обнаружению и выявлению способностей, а не к аристократическому происхождению человека совпадает с освоенным им ремесленным искусством, профессиональными и социальными навыками, благодаря которым он становится полезным своей отчизне. У слушателя появляется надежда на изменение своей судьбы и достижение успеха в жизни с помощью собственных способностей, как это получилось у главного героя повествования, добившегося человеческого счастья, которое отечественные просветители будут называть благополучием (В. Н. Татищев), философией истинного блаженства (А. Д. Кантемир, И. А. Крылов).

Современная история психологии показывает, что в плане понимания и изучения основ формирования психологической мысли прошлого ценными становятся сказки, воссоздающие идеи, интересовавшие человечество на протяжении столетий [13: с. 142]. К подобному роду исторических источников, представляющих рефлексивное знание в истории отечественной психологической мысли, могут быть отнесены также воинские и исторические песни. В них наглядно показано, как стоящие перед государством новые задачи проникают в народное творчество, осмысливаются и предстают в виде алгоритма действий для достижения жизненного успеха, в качестве самого прообраза жизни. Для человека петровского времени — человека нового типа — актуальными становятся общие природные способности, среди которых готовность к борьбе, событийному обучению, ручная умелость, овладение искусством и профессиональным мастерством.

Феофан Прокопович о человеке и его способностях

Знаковая в историческом плане, судьбоносная для страны деятельность Петра I обеспечила активный подъем общественной мысли, способствовала развитию интереса

к психологическим идеям о человеке, его душе и характере (норове), возможностях его совершенствования и воспитания.

Особый интерес представляет сподвижник Петра I, доктор богословия, профессор, псковский архиепископ Феофан (Елеазар) Прокопович (1681–1736), «человек высокой образованности и таланта» [9: с. 183], активно защищавший петровские преобразования, как, например, преобладание государственной власти над церковной [5: с. 387], что открывало путь для развития светской психологической мысли. Прокопович занимался вопросами воспитания юношества [20: с. 203]. Он ввел термин «общая польза», поднимавший значение и роль личностных качеств человека, как и хотел царь, вне зависимости от сословного происхождения. Как верно отмечает историк отечественной психологии Ю. Н. Олейник, общая польза становится мерилем ценности человека, его «индивидуальных свойств и особенностей поведения» [20: с. 169].

Прокопович как истинный подвижник просвещения имел свой кружок, который он назвал «Ученой дружиной Петра» [6: с. 75; 8: с. 38], что позволяло консолидировать силы заинтересованных в петровских преобразованиях мыслителей. Это нашло отклик среди передового дворянства — государственных деятелей, ученых и поэтов [6: с. 75].

Прокопович сформулировал ряд психологических идей и теорий, системно взаимосвязанных между собой. Еще в Киево-Могилянской академии, будучи профессором и ректором, он читал курс лекций по психологии [17: с. 88]. Исследователи отмечают, что курсы по психологии, которые читались профессорами в Киево-Могилянской академии, в том числе и Прокоповичем, «представляли собой определенную систему сведений и положений, охватывавшую почти все основные вопросы современной им психологии» [17: с. 88; 18: с. 14].

Сам Прокопович знал как традиционные схоластические, так и новейшие западноевропейские философские теории, подчеркивал, что психология должна изучать сущность возникающих психических явлений. Он обращал серьезное внимание на достижения

современного естествознания, полагая, что материальным субстратом души является определенным образом организованная материя — мозг человека, который имеет ряд функций (чувство, память, воображение, «оценочную силу», мышление). Человеческую душу Прокопович представлял как саму возможность живого тела быть жизнедеятельным [18: с. 5]. Душа способствует жизни, чувствам, движению и существованию человека. Здесь проявляются его душевные способности. Разумная человеческая душа есть сама возможность целенаправленной деятельности человека. Наблюдая отдельные операции, психология должна в последующем их обобщать, описывать эссенциальность (*essentiam*) самого начала (*principium*) — источник всех жизненных операций живых тел. Психология и определялась киевскими профессорами как наука о жизненных операциях живых тел [24: с. 255], что делало ее понятной для многих слушателей, уставших от средневековой ортодоксии.

В своих психологических изысканиях относительно потенциальных возможностей человека, которого, однако, он находил суетным, далеко бродящим «мечтанми» своими [26: с. 225], Прокопович использует понятия «дарования природные» и «человеческие способности» [26: с. 71, 345], которые должны быть у каждого человека и позволять по их присутствию определять степень их проявления. Он выделяет телесные блага для человека, среди которых статность, подвижность, быстрота и красота. В качестве душевных благ называет следующие: сметливость, память, способность суждения. Такие душевные качества, как храбрость, мудрость, справедливость в действиях, также служат характеристиками способностей человека в представлениях русского просветителя. Его человек способен к борьбе как армейско-военной, общественно полезной, так и личностно значимой — геройской. Важной особенностью психологической системы представлений у Прокоповича является понимание им ценности («дары судьбы») воспитывающей среды, условий и окружения человека, заинтересованного в проявлении им своих лучших способностей [26: с. 376].

Особое внимание Прокоповича привлекают литературные способности человека,

и здесь он, европейски образованный ученый, идет вслед мыслителям-возрожденцам, первым гуманистам — Ф. Петрарке и К. Салютати, которые призвали человека на пути становления человеческого в нем заниматься философией и поэзией.

Прокопович признает, что философия рождена поэзией [26: с. 343] и она развивает способности «разумной» души человека. Обязанность при этом самого человека — заниматься благородными искусствами [26: с. 375], которые ранее гуманисты определяли как *studia humanitatis*.

Прокопович различает одаренность литературными способностями и отсутствие искусства в поэзии. Можно отметить, что Прокопович не отождествляет способности и одаренность человека со знаниями и образованием, видит их различия. Обращает внимание на необходимость соответствующего обучения человека для развития его способностей. Понимает, что степень дарования может лишь способствовать более успешному и быстрому получению необходимого знания.

Интересными для истории психологической мысли считаются и представления Прокоповича об эмоционально-волевой сфере личности — аффектах, которые он понимает как «волнения чувственной души, возникающей из мысли о добре и зле» (цит. по: [17: с. 89]), — и необходимых для их регулирования действиях, о влиянии слов на переживания человека. Историки психологии отмечают преемственность этих идей в психологических изысканиях у М. В. Ломоносова, его риторике [17: с. 89].

Прокопович, как и полагается просветителю, заботящемуся о распространении философско-психологических знаний, видит и необходимость в воспитании способного человека. Воспитание, с его точки зрения, должно быть морально-нравственным, соответствующим нравственным нормам, которые складывались на протяжении длительного исторического времени. Он усиленно напоминает о чувстве морального долга перед Богом, родителями и отечеством, выполнение которого создает у человека чувство бодрости и жизнерадостности («благополучия»).

В целом можно отметить, что сочинения Прокоповича, прогрессивные по своему

характеру и представленным проблемам, выполнили важную для своего времени задачу, связанную с систематизацией психологического знания, с распространением психологически значимых идей, учитывая потребности в них. Прокопович различает способности, одаренность и образование человека, но рассматривает их как единство нравственного и деятельностного начал в человеке. В его идеях и теориях присутствует описательность и определение понятий, что также способствовало в конкретике исторического времени развитию психологического знания о человеческих способностях.

Заключение

История психологической мысли первой половины XVIII в. показывает, что знаковая и судьбоносная для страны деятельность Петра I обеспечила активный подъем общественной мысли, способствовала развитию интереса к психологическим идеям о человеке, его душе, возможностям его совершенствования и воспитания. Рефлексия о душе человека в петровское время становится доступной и светским мыслителям.

Психологическая мысль фокусировала внимание на потенциальных возможностях человека, который обнаруживал готовность трудиться на благо отечества, с которым связывали дальнейшее социально-экономическое развитие государства. Для него актуальными становятся общие способности, среди которых готовность к борьбе, событийному обучению, ручная умелость, овладение искусством и профессиональным мастерством.

В качестве исторических источников, представляющих рефлексивное знание в истории отечественной психологической мысли, необходимо учитывать воинские и исторические песни, сказки, позволяющие видеть востребованные обществом способности человека.

Одним из истинных подвижников просвещения первой половины XVIII в. явился Феофан Прокопович, имевший свой кружок, вошедший в историю как «Ученая дружина Петра». Прокопович, имевший опыт прочтения систематического курса лекций по психологии,

выдвинул ряд психологических идей и теорий, системно взаимосвязанных между собой. Признавал достижения современного естествознания и выделял обязанность человека заниматься благородными искусствами — философией и поэзией.

В своих психологических изысканиях Прокопович использует понятия «дарования природные» и «человеческие способности», которые позволяют определять степень их проявления у человека по их присутствию. Прокопович различает способности, одаренность и образование, но при этом еще рассматривает

их как единство нравственного и деятельностного начал в человеке. Видит необходимость в морально-нравственном воспитании способного человека, формирующем в нем чувство морального долга перед Богом, родителями и отечеством, выполнение которого создает чувство бодрости и жизнерадостности («благополучия»).

В целом необходимо признать, что в первой половине XVIII в. в отечественной психологической мысли проблема человеческих способностей возникла благодаря широкому к ней интересу и обозначились определенные пути ее рассмотрения и решения.

Литература

1. **Ананьев Б. Г.** Очерки истории русской психологии XVIII и XIX веков. М.: ОГИЗ, 1947. 168 с.
2. **Аникин В. П.** Русское устное народное творчество: учеб. пособие. 2-е изд., испр., доп. М.: Высш. шк., 2004. 735 с.
3. **Буганов В. И.** Мир истории: Россия в XVII столетии: монография. М.: Молодая гвардия, 1989. 320 с.
4. Былины. Русские народные сказки. Древнерусские повести: сб. / авторы вступ. статей, сост. и коммент. В. П. Аникин, Д. С. Лихачев и Т. М. Михельсон; худож. И. Д. Архипов. М.: Детская литература, 1989. 638 с. (Б-ка мировой литературы для детей в 58 т. Т. 1.).
5. Всемирная история: в 10 т. Т. 5 [Новая история. (Середина XVII в. – конец XVIII в.)] / отв. ред. Я. Я. Зутис. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1958. 783 с.
6. **Галактионов А. А., Никандров П. Ф.** Русская философия XI–XIX веков: монография. Л.: Наука, 1970. 652 с.
7. **Дьяченко М. И., Кандыбович С. Л., Караяни А. Г.** История отечественной военной психологии: учеб. пособие. М.: Проспект, 2021. 488 с.
8. **Епифанов П. П.** «Ученая дружина» и просветительство XVIII века // Вопросы истории. 1963. № 3. С. 37–53.
9. **Замалеев А. Ф.** Философская мысль в России XI–XX веков: монография. СПб.: Петрополис, 2015. 480 с.
10. **Иванов Д. В.** Представление о феномене борьбы в российской философско-психологической мысли (XIX – начало XX в.): монография. Иркутск: Изд-во ИРГСХА, 2006. 88 с.
11. Исторические песни. Баллады / [сост., подгот. текстов, вступ. ст. и примеч. С. Н. Азбелева]. М.: Современник, 1986. 622 с.
12. **Ключевский В. О.** Сочинения: в 9 т. Т. 4 / под ред. В. Л. Янина; послесл. и коммент. В. А. Александров, В. Г. Зимин. М.: Мысль, 1989. 398 с.
13. **Кольцова В. А.** История психологии. Проблемы методологии: монография. М.: ИП РАН, 2008. 512 с.
14. **Кусков В. В.** История древнерусской литературы. 6-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1998. 336 с.
15. Очерки по истории русской психологии: сб. / под ред. М. В. Соколова. М.: Изд-во Московского ун-та, 1957. 368 с.
16. Памятники общественной мысли Древней Руси: в 3 т. Т. 3. Московская Русь: сб. / [сост., авт. вступ. ст. и коммент. И. Н. Данилевский]. М.: РОССПЭН, 2010. 720 с.
17. **Пелех П. М.** Переводные идеи в отечественной психологии в XVII и начале XVIII века // Известия АПН РСФСР. 1955. № 65. С. 81–89.
18. **Пелех П. М.** Психология в Киево-Могилянской Коллегии XVII века: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Киев, 1949. 18 с.
19. Проблемы русского просвещения в литературе XVIII века: сб. / [отв. ред. П. М. Берков]. М.: АН СССР, 1961. 272 с.

20. Психологическая мысль России: век Просвещения: монография / под ред. В. А. Кольцовой. СПб.: Алетей, 2001. 376 с.
21. Русские народные картинки: в 5 кн. Кн. 4. Примечания и дополнения / [собрал и описал Д. А. Ровинский]. СПб.: Тип. Импер. Акад. Наук, 1881. 788 с.
22. **Рыжов Б. Н.** История психологической мысли. Пути и закономерности: учеб. пособие для высших учебных заведений. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ФЛИНТА, 2021. 352 с.
23. **Рыжов Б. Н.** Системная психология. 2-е изд. М.: Т8 Издательские технологии, 2017. 356 с.
24. **Соколов М. В.** Очерки истории психологических воззрений в России в XI–XVIII веках: монография / предисл. Б. М. Теплов. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1963. 420 с.
25. **Субботина Л. Ю.** Развитие предмета и метода психологии способностей (в отечественной науке с XVIII по XX век): дис. ... канд. психол. наук / ЛГУ им. А. А. Жданова. Л., 1986. 201 с.
26. **Феофан (Прокопович).** Сочинения / под ред. И. П. Еремина. М.: АП СССР, 1961. 502 с.
27. **Черная Л. А.** Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени: монография. М.: Языки русской культуры, 1999. 288 с.
28. **Шадриков В. Д.** Эволюция взглядов на природу и сущность способностей // Национальный психологический журнал. 2007. № 1 (2). С. 58–64.
29. **Шеппинг Д. О.** Мифы славянского язычества. Екатеринбург: У-Фактория; М.: АСТ, 2008. 301 с.
30. **Ярошевский М. Г.** История психологии. М.: Мысль, 1966. 565 с.

References

1. **Anan'ev B. G.** Ocherki istorii russkoj psixologii XVIII i XIX vekov [Essays on the history of Russian psychology in the XVIIIth and XIXth centuries]. М.: OGIZ, 1947. 168 p.
2. **Anikin V. P.** Russkoe ustnoe narodnoe tvorcestvo: ucheb. posobie [Russian oral folk art: textbook]. 2-е изд., ispr., dop. М.: Vy'sshaya shkola, 2004. 735 p.
3. **Buganov V. I.** Mir istorii: Rossiya v XVII stoletii: monografiya [World of history: Russia in the XVII century: monograph]. М.: Molodaya gvardiya, 1989. 320 p.
4. By'liny`. Russkie narodny'e skazki. Drevnerusskie povesti: sb. [Epics. Russian folk tales. Old Russian stories: collection] / avtory` vstup. statej, sost. i komment. V. P. Anikin, D. S. Lixachev i T. M. Mixel'son; xudozh. I. D. Arxipov. М.: Detskaya literatura, 1989. 638 p. (B-ka mirovoj literatury` dlya detej v 58 t. T. 1. [Library of world literature for children in 58 volumes. Vol. 1]).
5. Vsemirnaya istoriya: v 10 t. T. 5 [Novaya istoriya. (Seredina XVII v. – konec XVIII v.)] [World history: in 10 volumes. Vol. 5 [New history. (The middle of the XVII century – the end of the XVIII century)]] / otv. red. Ya. Ya. Zutis. М.: Izd-vo social'no-e'konomicheskoy literatury`, 1958. 783 p.
6. **Galaktionov A. A., Nikandrov P. F.** Russkaya filosofiya XI–XIX vekov: monografiya [Russian philosophy of the XI–XIX centuries: monograph]. L.: Nauka, 1970. 652 p.
7. **D'yachenko M. I., Kandy'bovich S. L., Karayani A. G.** Istoriya otechestvennoj voennoj psixologii: ucheb. posobie [History of domestic military psychology: textbook]. М.: Prospekt, 2021. 488 p.
8. **Epifanov P. P.** «Uchenaya družhina» i prosvetitel'stvo XVIII veka [“Scientific squad” and enlightenment of the XVIII century] // Voprosy` istorii [Questions of history]. 1963. № 3. P. 37–53.
9. **Zamaleev A. F.** Filosofskaya my'sl' v Rossii XI–XX vekov: monografiya [Philosophical thought in Russia XI–XX centuries: monograph]. SPb.: Petropolis, 2015. 480 p.
10. **Ivanov D. V.** Predstavlenie o fenomene bor'by` v rossijskoj filosofsko-psixologicheskoj my'sli (XIX – nachalo XX v.): monografiya [The idea of the phenomenon of struggle in Russian philosophical and psychological thought (XIX – early XX centuries): monograph]. Irkutsk: Izd-vo IrGSXA, 2006. 88 p.
11. Istoricheskie pesni. Ballady` [Historical songs. Ballads] / [sost., podgot. tekstov, vstup. st. i primech. S. N. Azbeleva]. М.: Sovremennik, 1986. 622 p.
12. **Kol'czova V. A.** Istoriya psixologii. Problemy` metodologii: monografiya [History of psychology. Problems of methodology: monograph]. М.: IP RAN, 2008. 512 p.
13. **Kuskov V. V.** Istoriya drevnerusskoj literatury` [History of ancient Russian literature]. 6-е изд., ispr. i dop. М.: Vy'sshaya shkola, 1998. 336 p.
14. **Klyuchevskij V. O.** Sochineniya: v 9 t. T. 4 [Works: in 9 volumes. Vol. 4] / pod red. V. L. Yanina; poslesl. i komment. V. A. Aleksandrov, V. G. Zimin. М.: My'sl', 1989. 398 p.

15. Ocherki po istorii russkoj psixologii: sb. [Essays on the history of Russian psychology: collection] / pod red. M. V. Sokolova. M.: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 1957. 368 p.
16. Pamyatniki obshhestvennoj my'sli Drevnej Rusi: v 3 t. T. 3. Moskovskaya Rus': sb. [Monuments of social thought of Ancient Rus': in 3 volumes. Vol. 3. Moscow Rus': collection] / [sost., avt. vstup. st. i komment. I. N. Danilevskij]. M.: ROSSPE'N, 2010. 720 p.
17. **Pelex P. M.** Perevodny'e idei v otechestvennoj psixologii v XVII i nachale XVIII veka [Translation ideas in Russian psychology in the XVIIth and early XVIIIth centuries] // Izvestiya APN RSFSR [News of the APN of the RSFSR]. 1955. № 65. P. 81–89.
18. **Pelex P. M.** Psixologiya v Kievo-Mogilyanskoj Kollegii XVII veka: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk [Psychology in the Kiev-Mohyla Collegium of the XVII century: author. dis. ... candidate of pedagogical sciences]. Kiev, 1949. 18 p.
19. Problemy` russkogo prosveshheniya v literature XVIII veka: sb. [Problems of Russian education in the literature of the XVIII century: collection] / [otv. red. P. M. Berkov]. M.: AN SSSR, 1961. 272 p.
20. Psixologicheskaya my'sl' Rossii: vek Prosveshheniya: monografiya [Psychological thought in Russia: the age of Enlightenment: monograph] / pod red. V. A. Kol'czovoj. SPb.: Aletejya, 2001. 376 p.
21. Russkie narodny'e kartinki: v 5 kn. Kn. 4. Primechaniya i dopolneniya [Russian folk pictures: in 5 books. Book. 4. Notes and additions] / [sobral i opisal D. A. Rovinskij]. SPb.: Tip. Imper. Akad. Nauk, 1881. 788 p.
22. **Ry'zhov B. N.** Istoriya psixologicheskoy my'sli. Puti i zakonomernosti: ucheb. posobie dlya vy'sshix uchebny'x zavedenij [History of psychological thought. Ways and patterns: a textbook for higher educational institutions]. 2-e izd., pererab. i dop. M.: FLINTA, 2021. 352 p.
23. **Ry'zhov B. N.** Sistemnaya psixologiya [Systems psychology]. 2-e izd. M.: T8 Izdatel'skie texnologii, 2017. 356 p.
24. **Sokolov M. V.** Ocherki istorii psixologicheskix vozzrenij v Rossii v XI–XVIII vekax: monografiya [Essays on the history of psychological views in Russia in the XI–XVIII centuries: monograph] / predisl. B. M. Teplov. M.: Izd-vo APN RSFSR, 1963. 420 p.
25. **Subbotina L. Yu.** Razvitie predmeta i metoda psixologii sposobnostej (v otechestvennoj nauke s XVIII po XX vek): dis. ... kand. psixol. nauk [Development of the subject and method of the psychology of abilities (in domestic science from the XVIIIth to the XXth century): dis. ... candidate of psychological sciences] / LGU im. A. A. Zhdanova. L., 1986. 201 p.
26. **Feofan (Prokopovich).** Sochineniya [Works] / pod red. I. P. Eremina. M.: AP SSSR, 1961. 502 p.
27. **Chernaya L. A.** Russkaya kul'tura perexodnogo perioda ot Srednevekov`ya k Novomu vremeni: monografiya [Russian culture of the transitional period from the Middle Ages to the New Age: monograph]. M.: Yazy'ki russkoj kul'tury`, 1999. 288 p.
28. **Shadrikov V. D.** E'voljuciya vzglyadov na prirodu i sushhnost` sposobnostej [Evolution of views on the nature and essence of abilities] // Nacional'ny'j psixologicheskij zhurnal [National Psychological Journal]. 2007. № 1 (2). P. 58–64.
29. **Shepping D. O.** Mify` slavyanskogo yazy`chestva [Myths of Slavic paganism]. Ekaterinburg: U-Faktoriya; M.: AST, 2008. 301 p.
30. **Yaroshevskij M. G.** Istoriya psixologii [History of psychology]. M.: My'sl', 1966. 565 p.